

Посвящается всем моим друзьям

Мир голубой по краям и в глубине.
Эта синева — тот самый потерянный свет.

Ребекка Солнит

[...] и я хочу, чтобы наши сердца были открыты.
Да будет так. Я хочу, чтобы наши сердца были открыты.

Лесли Джеймисон

ШАРЛИЗ

Папа бегаёт голый по Шарлоттенбургу.

— Скорее, — говорю я Ахиму, водителю «Убера», — нужно поймать его быстрее полиции. Папа раньше был ультра-левым, так что с нею он не в ладах.

Ахим, одной рукой держа руль, второй кидая в окно окурок, даёт по газам.

— А кто он сейчас? — спрашивает Ахим.

— Бедный псих, — говорю я, указывая на папин голый зад, мелькающий в конце улицы. Это бесконечно стыдное, яркое белое пятно то скрывается за людьми, деревьями, мусорными баками, машинами, то снова выныривает из-за них.

— Погони у меня ещё не было, — говорит Ахим.

— Разве это не основное занятие водителей «Убера»?

— Только на междугородних поездках. Вот где настоящие деньги.

— Ах, Ахим, деньги — не главное.

— Ну, знаешь ли. Надо же на что-то жить.

— Тоже верно.

— А что это у твоего отца в руке?

— Голова.

— А-а, — протягивает Ахим, хотя, разумеется, ничего не понимает. Откуда же ему знать, что голова, которую папа держит в руке, принадлежит его бывшему галеристу.

— Она не настоящая, — объясняю я, — это кукла. Папа псих, а не убийца. Пока что.

— Ну, это радует, — говорит Ахим.

— Меня тоже. — Звонит мой телефон. — Привет.

— Эй, Чарли. Что там случилось? Я на велосипеде, уже еду. Улыбаюсь, приятно слышать голос Густава.

— С дороги, берегись! Простите, извините, да, это не велосипедная дорожка, но у меня тут погоня, простите.

Я отвожу телефон подальше от уха, пока Густав орёт на прохожих в своей безумно вежливой манере.

— Тоже твой родственник? — спрашивает Ахим.

— Нет, — говорю я, — лучше. Густав. Друг всей моей жизни.

— Не слишком ли рано тебе такое говорить?

— Для некоторых знаний возраст не важен.

— Алло?

— Да, я тут.

— Уже думал, что ты ушла.

— Просто не хотела оглохнуть.

— Извини. Снова люди. У тебя, может, решается вопрос жизни и смерти, но им надо, чтобы ты ехал по правилам.

Ты не подумай, я тоже за правила...

— Густав.

— Да?

— Мы, вообще-то, на миссии.

— Окей, не отвлекаемся, понял. Так, где вы?

— Недалеко от папиной галереи.

— Он бежит туда?

— Без понятия. Может быть.

— Ладно. Встретимся там. Пока.

Я отключаюсь. Папа врезается в прохожего, тот, активно жестикулируя, кричит ему вслед, но папа бежит без оглядки.

— Спортивный у тебя отец.

— Это всё наркотики — они держат в тонусе.

— А ты сама-то не психованная?

— Частенько спрашиваю себя об этом. Но, наверное, если вопрос возникает, значит, ещё не всё потеряно.

Папа останавливается.

— Стой-стой-стой. Жди здесь. Понял?

— Понял, — говорит Ахим, включает поворотник и закуривает ещё одну сигарету. Я выпрыгиваю из машины, со всей силы хлопая дверью.

— Эй, это тебе не танк!

Подскакиваю к папе.

— Свинячьи капиталисты.

Я не могу сдержать смеха, видя, как отец — такой потертый и голый — стоит посреди улицы и негодует, что его галерея хочет зарабатывать деньги. Несколько человек остановились поглазеть на это зрелище, но большинство проходили мимо: не тратить же своё время на каждого голого психа.

— Эй! — Густав спрыгивает со своего гоночного велосипеда, кидая его на землю.

— Папа, да хватит уже, — говорю я.

Папа, слегка пошатываясь, вытягивает руку с болтающейся головой вверх.

— Что это? — удивляется Густав.

— Он сшил куклу своего галериста. Расстроился из-за Кокошки и остального. Вчера он хотел торжественно отрубить ей голову. Последний штрих, так сказать.

— Что-то вроде вырождения?

— Ага, вроде того.

Папа начинает горланить бессвязные отрывки из песен Леонарда Коэна, размахивая руками и покачивая голым задом из стороны в сторону. Его пенис бьётся о бедра — влево, вправо, влево, вправо. Теперь, если моя жизнь пойдёт наперекосяк, я буду винить во всём именно этот момент.

— О! Мы уже на стадии Коэна.

— Мы уже на стадии Коэна, — повторяю я, — да в той фазе, где уже не до текстов.

— Это искусство, Густав, искусство! — говорит папа.

— Нет, — возражает Густав.

— В самом деле нет, — соглашаюсь я, — это дерьмо, папа.

Густав достаёт из рюкзака банный халат.

— За это я тебя и люблю, — говорю я. Когда я получила сообщение от Паломы, что она, кажется, только что видела моего отца, абсолютно голого, всё, на что меня хватило, — это быстренько порывшись в родительских записках в поисках денег.

— Надень-ка это, — говорю я, протягивая папе халат.

— Серьёзно, наденьте, — помогает Густав.

Папа умолкает. Безумие в его взгляде сменяется пустотой. Он кладёт отрубленную голову рядом с собой. Неловко засовывая руки в рукава халата, он смотрит на Густава, как на глупого пса.

Я выплёвываю жвачку на землю, вытаскиваю из кармана новую, швыряю скомканную серебристую бумажку папе в голову и кладу пластинку в рот.

— Ладно. Поехали, — говорю я.

Папа только кивает в ответ. Я беру его за руку, такую же большую, как и всегда, но почему-то сейчас она кажется мне меньше, и мы идём к нашему «Уберу». Густав несёт голову следом за нами.

— Твоя мама знает?

— Нет. Она на курсах танцевальной импровизации и самопознания.

Я закатываю глаза.

— А можно я... ну, это... я бы хотел покурить травки... — робко говорит папа.

— Можно. Дома. А пока можешь стрельнуть у Ахима сигарету.

— Кто такой Ахим? — спрашивает Густав.

— Это я, — отвечает Ахим, прислонившись спиной к машине.

— Ладно, — говорит Густав, — вы поедете на машине, а я за вами на велосипеде. Идёт?

— Идёт, — говорю я.

— Идёт, — говорит Ахим.

Я снова поворачиваюсь к Густаву.

— Спасибо, — шепчу я.

— Всегда пожалуйста, — отвечает он.

Папа ушибается головой, пытаюсь сесть в машину.

— В машине не блевать, — просит Ахим.

— Это стандартная фраза у уберщиков? — спрашиваю я.

— Ты поубирай с моё чужую блевотину, тогда поговорим.

Я киваю. Мы трогаемся, на этот раз едем медленнее, что уже не так весело, хотя ситуация в целом кажется мне совсем не весёлой. Голова таращится на меня из-под ног.

— А что насчёт сигареты? — Папа развалился на заднем сиденье, широко растопырив ноги. Халат едва прикрывает то, что должен прикрывать.

— Никто, кроме водителя, здесь не курит, — отвечает Ахим.

— Ещё один, — говорит папа, обиженно поджавшись. — Опять мне не дают то, чего я заслуживаю. Я это заслужил. — Он водит указательным пальцем по шву сиденья.

— Да ладно тебе, Ахим, — встречаю я, — дай папе покурить. Чего вредничаешь?

Ахим глядит на меня, затем лезет в карман рубашки и протягивает пачку сигарет.

— Я учился на социального работника, — говорит он, — и слово, которое мне сейчас приходит на ум, — дисфункциональный.

— На социального работника не надо учиться, — говорю я. — Зажигалку.

— Из тебя бы вышел неплохой начальник, — замечает Ахим.

— С такими родителями по-другому никак.

Ахим улыбается. Я вытаскиваю сигарету из пачки, поворачиваюсь, вставляю её папе в рот и поджигаю.

— Затягивайся, — команду я, и папа делает затяжку.

— Отлично, — довольно произносит он и успокаивается.

Ахим опускает заднее стекло.

— Чарли-Шарлиз, — обращается ко мне папа, — маме ни слова. Иначе она сойдёт с ума.

ГВЕН

Отрывать боковые зеркала у машин, разбивать окна и уничтожать мотоциклы — окрашивать мир в цвет зари, такой, как на кромке горизонта, когда ночь переходит в день. Не думать, не колебаться, идти только вперёд,

разъяриться и бить со всей дури — вот основные законы дестроя. Тело против вещей, движения против частной собственности. Я знаю, как определить, кого бить, но в драках у меня совсем нет опыта. Но мысль о них искрится во мне, и я надеюсь, что эта искра перерастёт в пожар.

— Он твой, — шепчет мне Мо, имея в виду парня, чей крик «лучше сдавайся сейчас!» раздался только что на пустой парковке. Его друзья улюлюкают, он подпрыгивает в боевой готовности, голова вскинута, в улыбке отражена жажда адреналина, всё тело в эйфорическом напряжении. Супермаркет, закрытый ещё пару лет назад, загромождаёт нас от дороги. Между булыжников проросла высокая трава, по фасаду карабкаются кусты ежевики, вокруг стоят старые магазинные тележки, набитые сухой листвой и мусором, некоторые опрокинуты, без колёс, с погнутыми прутьями. Полиэтиленовый пакет носится по парковке, взлетая ввысь и опускаясь на асфальт, кружится в самозабвенном танце. Я провожу языком по гладкой поверхности своих зубов. У меня остался один молочный зуб, под ним нет коренного, поэтому его ни в коем случае нельзя потерять.

моя единственная святыня — последний молочный зуб
Мо дышит мне в спину. Я хочу. Но моя нерешительность. Мой зуб.

— Ты что, трусишь? — спрашивает Мо.

Его тихий голос нежным теплом щекочет мне затылок.

— Трусит, — подтверждает Деннис.

Кивок головы в мою сторону, он толкает Винса в бок. Винс открывает ещё одну банку пива. По словам Винса, он взял её у отца и тот ничего не заметил. Сказав это, Винс и сам не заметил или сделал вид, будто это никак не связано с той неловкой ситуацией, в которой мы все оказались.

«Серьёзно?» — хотелось мне спросить, но я так и не определилась у кого: у себя или у парней.

— Мы сюда не развлекаться пришли, — раздаётся голос с той стороны.